

О СУЩНОСТИ ИСТИНЫ

Вопрос о сущности истины начинается с определения истины как правильности утверждения или — в общем — представления. При критическом размышлении мы приходим к следующему результату: истина как правильность представления предполагает — чтобы быть тем, что она есть (уподобление объекту), — открытость сущего, благодаря которой сущее становится способным быть объектом, а представление становится способностью презентации чего-либо перед собой. Эта открытость появляется как основа возможности правильности. Изначальная сущность истины должна быть обнаружена в возвращении к такой открытости. Но это простое размышление, которое выходит за рамки традиционного понятия истины, имеет смысл, только если правильность уже содержит некоторым способом нечто из сущности истины. В связи с этим возникает вопрос: как и в какой степени основывается традиционное полагание сущности истины как правильности утверждения? Мы постигнем основание этого сущностного определения истины непосредственным способом, где сущность истины впервые была установлена, т. е. в философии греков, в мышлении Платона и Аристотеля.

Но чтобы теперь вопрошать о сущностном определении истины как правильности, мы должны знать, что названные мыслители подразумевали под «сущностью». Это ведет к экспозиции того, что Платон понимал как *идея*. Сущность есть чуждость бытия, постигаемая как его вид или лик, который заранее сохраняется в рассмотрении. Таким образом, для сущности истины как правильности не достает «основания». Полагание сущности производно. Только знание, которое может быть продемонстрировано, является основанным. Но во всем фактическом знании здесь уже пребывает ведущее и поддерживающее сущностное познание. Результат этих размышлений коренится в том, что постижение сущности никогда не может быть основано через познание фактов. Прежде всего, понятие основания сущности и определение сущности ссылкой на соответственные реальные или возможные факты — сами по себе абсурдны. Ибо, чтобы открывать факты, при- сущие сущности, и отбирать и выставлять их как оправдание для законности этого полагания сущности, полагание сущности должно

быть уже предполагаемо. Следовательно, сущность и определение сущности не допускают никакого основания того рода, который мы осуществляем в области фактического познания. Сущность чего-то вообще не должна быть открыта просто подобно факту; напротив, она должна быть порождена. Порождать (в греческом смысле) означает выносить в свет, вносить во взгляд то, что до этого было незримо. Речь идет о видении, которое впервые порождает то, что должно быть видимым, т. е. продуктивным видении, виде сущего в том, что оно есть. Продуктивное видение сущности есть само по себе видение того, в чем сущность основывается, — продуктивное видение того, что есть его основание. Познание сущности есть само по себе полагание основания, полагание того, что подлежит как основание (*υποκειμενον*), — *θεσις* — и есть, следовательно, *υποθεσις*. Оно — не последовательное добавление основания для чего-то представленного. Когда вещь определяется относительно своей сущности, тогда сама эта сущность становится продуктивным видением. Продуктивное видение сущности вносит нечто в рассмотрение сущности и требует его для сущности, из которого она — сущность — становится зримой, т. е. тем, что она есть.

Познание сущности может быть основано в строгом смысле основания (демонстрации через апелляцию к чему-то наличному). Однако это не есть расчет на безосновность, но само по себе основополагание. Не случайно мы не находим у Аристотеля основания для полагания сущности истины как правильности утверждения, ибо здесь нет основания для полагания сущности. С другой стороны, мы можем предположить, что это определение сущности истины как правильности утверждения — не производное и безосновное, но само есть основывание, возвращение к основанию. Поэтому мы спрашиваем: «Что требует это аристотелесское определение истины как правильности утверждения в качестве основания? Что это определение сущности истины видит и имеет в воззрении заранее — как то, в чем оно находит себя основанным?»

Философский вопрос о сущности истины есть в то же время вопрос об истине сущности. В этом утверждении коренится обратное отношение, гласящее: вопрос об истине сущности есть в то же время вопрос о сущности истины. Тогда в чем это определение сущности само основывается? Результат нашего вопрошания сущности сущности заключается в том, что сущность постигается как чуждость чего-либо, *ιδεα*, вид, который нечто предлагает, его явление, т. е. сущее в его бытийном рассмотрении. Продуктивное видение здесь по-

стигается как *ἰδέα*. Такого рода видение есть порождение, внесение в свет, в зримость, которое себя основывает в том, что оно порождает, и на этом пути полагает то, что видится как основа, — *ὑποβέσις*.

Продуктивное видение сущности не допускает основания. Для чего «основывается» действительность? Основывание предполагает согласование с чем-либо. Основывание, следовательно, предлагает само и для себя возможность согласования и правильности. Основывание и возможность быть основанным пытаются определять род истины, именно правильности представления и утверждения. Только то, что правильно и что требует правильности, может быть основанным и требует основания. Если постижение сущности отвергает любую попытку в основании, тогда истина, которая принадлежит постижению сущности, не может быть правильностью. Таким образом, размышление об истине сущности, о том, что есть постижение сущности и что есть ее оправдание, становится размышлением о сущности истины.

Постижение сущности есть порождение — в греческом смысле вызывания и приведения вперед из сокрытия в нескрываемость, чтобы полагать это как нескрываемое. Видеть сущность в самом видении означает полагать нескрываемое бытие, полагать бытие в его нескрываемости, принимать его в именуемом слове и на этом пути устанавливать — и тем самым позволять ему стоять в зримости сущностного познания. «Нескрываемое» по-гречески означает *τό ἀληθές*, а «не скрывать» — *ἀληθεύειν*. Это переводилось как *veritas*, «истина». «Истина» постижения сущности, мыслимая по-гречески, есть нескрываемость чуждого сущего. Нескрытость, бытийное видение сущего есть *ἰδέα* (в терминах Платона¹). Бытие в его бытийности (*ουσία*) есть собственно нескрываемость самого сущего. Сущее, определяемое по отношению к его нескрываемости, т. е. к выхождению вперед и возникновению, понимается как *φύσις*, т. е. как *ἰδέα*, как бытие в его бытийности. Постигать сущее как таковое в его бытийности — в том, что оно есть как сущее, — означает встречать его в нескрываемости и, как говорит Аристотель (Метафизика *θ*, 10), *θιγείν*, чувствовать это, просто соприкасаться, выносить перед собой, производить и видеть его вид. В греческом опыте бытие как таковое суть *φύσις*, возникновение, которое принадлежит *ἀλήθεια*, нескрытости. Поэтому постижение бытия как такового должно быть раскрываемым (получаемым из сокрытого). Истина фактического познания, т. е. правильность, основана на истине познания сущности. Истина как правильность (*ὀρθότης*) основывается в истине как нескрываемости

¹ См.: Платон. Соч.: В 4 т. Т. 2. М., 1993. С. 158.

основывается в истине как нескрываемости (ἀλήθεια). Видимое в продуктивном видении требуется в качестве основы полагания истины как правильности, т. е. ἀλήθεια. Ἀλήθεια (нескрываемость бытия как такового) — изначальное греческое именование сущности истины.

Полагание сущности не предусматривает полагания основы. Что тогда обеспечивает основание для истины, постигаемой как правильность? Основание правильности (ομοίωσις) есть ἀλήθεια, несокрытость сущего. Что означает ἀ-λήθεια, не-сокрытость бытия? Бытие как таковое нескрываемо и замкнуто, а следовательно, открыто. Открытость бытия доказывает основание возможности правильности и достойна вопрошания в вопросе об истине. Греки уже знали об открытости сущего.

Римляне перевели ἀλήθεια как *veritas*. Через этот перевод изначальная сущность истины — как ἀλήθεια, нескрываемость — была разрушена. Фома Аквинский говорил: «*Veritas principaliter est in intellectu*» («Истина есть принципиально в разуме») (ST I, q. XVI, art. 1).

Истина постигалась в смысле *veritas* — как правильность утверждения судящего разума. Позднее это определение сущности ἀλήθεια как единственно обоснованной искалось в греческой философии, где изначальный опыт истины как несокрытости все еще преобладал. Это вело к убеждению, что раннегреческие мыслители были поверхностными и неспособными ясно постигать сущность истины и «проблему» познания и суждения и что только Платон и Аристотель добились в этом успеха. Но ведь ничего не достигается простым в способе высказывания изменением, даже если оказывается, что вне буквального перевода ἀλήθεια греки уже знали, что нескрываемость бытия есть сущность истины. Однако новая и новейшая философия говорит, что в прогрессе философского мышления Платон и Аристотель преодолели эту раннегреческую концепцию истины. Даже великий антагонист подобного мышления Ницше делает указанную доктрину основанием собственной теории истины. Ницше согласен с Фомой Аквинским, который утверждал на основе особенной интерпретации Аристотеля: «*Veritas... est in intellectu*» — истина имеет свое место прежде всего и изначалью в судящем разуме.

Концепция истины неотделима от открытости, которая есть бытие подлинно значимого вопрошания. Нескрываемость бытия как такового, нескрываемость как сущность истины — основа возможности правильности (ομοίωσις). В несокрытости бытия подлинно основывается истина как правильность.

Нам следует ответить на вопрос: как основывается сущностное определение истины как правильности? Нет основания для полагания сущности. Поэтому мы спрашивали, что видится, и порождается как основа этой сущности истины. В определении истины как несокрытости нет ничего, подобного правильности, но вся правильность утверждений пребывает в несокрытости бытия. Ибо ориентация представления на бытие и его согласие с бытием возможна, только если сущее пребывает в несокрытости. Если правильность представления и утверждения полагается как то, что она есть, то наряду с ней ἀλήθεια, нескрываемость сущего, должна быть так же полагаемой и пребывать в рассмотрении как то, что обеспечивает этой сущности основу. Полагание сущности истины как правильности утверждения греки уже видели заранее и порождали основу этого полагания, т. е. ἀλήθεια. Истина как правильность имеет свое основание в несокрытости сущего.

Что еще есть ἀλήθεια греков, кроме того, что мы называем открытостью? Требуется историческое припоминание традиционного понятия истины и его первоначального оправдания, само взывание к чему-то забытому. Забвение основания традиционного понятия истины, забвение его изначальной сущности легко объясняется. Через преобразование греческого мышления в римское, христианское и современное ἀλήθεια как ἀποσις (правильность) становится veritas как adaequatio и rectitudo, т. е. истина становится адекватностью и правильностью. Утрачен был прежде всего импульс к получению некоторого рода знания о положении греческого человека среди сущего и по отношению к сущему, из которого могут быть высказаны такие сущностные слова, как ἀλήθεια. Теперь всюду ἀλήθεια понимается как правильность представления. В истории западной философии после греков произошло не только забвение изначального понятия истины — случилось нечто большее: на основе этого преобразования истины возникают новые фундаментальные позиции — Декарта и Лейбница, Канта и мыслителей немецкого идеализма и, наконец, Ницше. От Фомы Аквинского до Ницше концепция истины как характеристики судящего разума была определяющей.

Освещение греческого понятия истины показало, что: 1) греки были уже знакомы с двумя смыслами истины: нескрываемостью (открытости бытия) и — затем — уподобления представления бытию (правильности); 2) если признание величия греческого мышления сохраняет нас с самого начала, освобождая от нелепых понятий и от желания новизны, то наше обсуждение имеет смысл; 3) наше критическое вопрошание, возвращаясь от обычного понятия истины как пра-

вильности утверждения к открытости бытия, не есть произведенная критика, но обращение нашего мышления к началу истории истины. И мы сегодня всё еще пребываем в этой истории, коль скоро все наше мышление движется в сфере традиционного понятия истины. При историографическом познании была утрачена изначальная сущность истины благодаря преобладанию истины как правильности. Следовательно, мы признаем утрату. Необходимо сохранение изначальной сущности истины. Нам нужно вернуть назад то, что мы утратили. Мы не можем вернуть назад историю, но мы можем мыслить и действовать из нашей настоящей (или будущей) необходимости. Мы всё еще во власти «историцизма», скрываемого «романтизма» и «гуманизма». Мы всё еще не внутри истории и постоянно возвращаемся к историографическим рассматриваниям, противопоставляя настоящее прошлому вместо действительного размышления. Греки испытывали нескрываемость бытия и принимали его как истину — и на этом основании определяли истину как правильность, но они не шли дальше и явно не вопрошали саму нескрываемость.

Полагание основания чего-то, основывание основы не есть еще подлинное основывание в смысле измерения основания. Что следует тогда из этого события, из того, что греки понимали ἀλήθεια как сущность истины и принимали ее как основу правильности? Познание сущности ἀλήθεια не было утрачено, ибо позднее ἀλήθεια переводилась как *veritas*, *rectitudo* и «истина», и это интерпретировалось как правильность утверждения. Указанный перевод и новая интерпретация могли достичь преобладания только потому, что сущность ἀλήθεια не была достаточно оригинально развернута и ее разворачивание не было строго эксплицировано. В сфере истории сущностного редко нечто случается. То, что случается, здесь происходит очень медленно и бесшумно. Событие погружения изначальной ἀλήθεια все еще существует, и оно случается всюду, где истина означает правильность. Если мы подчиняемся этому значению, то пребываем на пути исторического размышления. Только на этом пути мы возвратимся исторически к началу нашего размышления об истине, возвращаясь к тому, что случилось первоначально и все еще случается. Следовательно, наш вопрос об основе возможности правильности, возвращении к открытости, вопрос самой открытости не поверхностен. Греки никогда не поднимали вопрос о том, что есть сама по себе ἀλήθεια. Теперь мы заново подчеркнем: начало есть величайшее, оно превышает всего приводящего, даже если это обращается против начала, которое может действовать только потому, что оно есть и делает возможным последующее.

Мы должны размышлять об этом событии потому, что греки действительно испытывали сущность истины как нескрываемости, принимали ее (и она всегда была достижима для них), но не вопрошали ее явно и не измеряли ее. Греческие мыслители не нуждались в этом. Они пребывали в этой истине. Ибо то, что происходит в начале истории сущностного основания истины, всегда остается для нас все еще решающим — решающим то, что для нас и для будущего может стать истинным. Сущность истины не была сначала схвачена в «определении» и не была сделана доступной познанию. Сама нескрываемость бытия почти не постигалась.

Для греков бытие есть то, что может быть истинным и неистинным, т. е. несокрытым или скрываемым. В последующие времена каждое сущее, *ens*, действительно все еще постигалось как *verum*, и схоластика так же, как отчасти и современная философия, говорила об «онтологической» истине в отличие от «логической» истины интеллекта. Теперь эта доктрина фактически проистекает из особенной приверженности традиции греческой философии, но она мыслится и подразделяется совершенно не греческим способом. *Verum* не означает нескрываемое; напротив, *ens est verum* — «каждое сущее есть истинное», потому что как сущее оно заранее необходимо мыслится правильно Богом, или, согласно христианскому и ветхозаветному мышлению, благодаря Творцу, т. е. абсолютному духу, свободному от ошибок. Томистское мышление нередко отождествляли с аристотелевским и греческим мышлением вообще. Даже некоторые классические филологи были согласны с этим. Для них Аристотель больше средневековый схоласт, чем грек. Средневековое и современное мышление движется всецело в сфере понятия истины как правильности, т. е. как определения познания, даже когда говорят об «онтологической истине». Указанная «онтологическая истина» — коррелят мышления Бога, которое само по себе абсолютно правильно. Это не есть несокрытое в греческом смысле, но абсолютно правильное (*intellectus divinus*). Если греки испытывали истину как характеристику бытия, то истина должна быть основана в самом бытии.

Истина как правильность утверждения развивалась и устанавливалась самой греческой философией, именно у Платона и Аристотеля бытие и истина всегда указывались вместе; *ἀλήθεια καὶ οὐ* — «нескрываемость — значит сказать: бытие как таковое» (Государство VI). Вне всякого сомнения, мы должны здесь понять *καὶ* как экспликацию в смысле «это значит сказать», ибо часто вместо указания *οὐ* греки говорили просто *ἀλήθεια* или *τὸ ἀληθές*. Но почему греки не изучали

ἀλήθεια как таковую, если она принадлежит самому бытию и если фактически вопрос о бытии как таковом был первоначальным и постоянным вопросом греческих мыслителей? Почему ἀλήθεια остается невопрошаемой? Почему она не стала наиболее значимой для вопрошания?

Необходимость философского вопрошания об истине так же существенна, как сам вопрос. Ибо философский вопрос должен, следуя независимому характеру философии, нести в себе свою необходимость, т. е. он должен снова указать на эту необходимость. Сама философия принадлежит истине бытия. Философия есть и должна быть всегда, но и само бытие настаивает в направлении своей истины, т. е. когда открыто бытие, тогда есть история. Философия и философы существуют только тогда, когда случается истина самого бытия, история, которая удаляется от человеческой институции, так как сама по себе она есть основа для возможности человеческого исторического бытия. Открытость бытия как основа возможности правильности утверждения уже была известна греческому мышлению об истине. Наш вопрос о «что» и «как» был также выдвинут греками. Но они не спрашивали о самой ἀλήθεια и ее сущности.

Почему греки не спрашивали о самой ἀλήθεια? Ἀλήθεια переводится как «несокрытость бытия», и тем самым уже указывается, что нескрываемость есть определение самого бытия, а не утверждений о бытии; ἀλήθεια всегда указывается вместе с самим бытием: ἀλήθεια και ον — «несокрытость равнозначна бытию в его бытийности». Часто ἀλήθεια даже стоит одна вместо ον. Истина и бытие в его бытийности суть одно и то же. Смысл этого — не просто в том, что несокрытость конституирует фундаментальный характер самого бытия как такового. Как мы должны понимать это? Прежде всего, как мы должны понимать, что греки не спрашивали об ἀλήθεια? Ибо изначально собственный вопрос их мышления, ведущий все их размышления, был вопросом о бытии как таковом: что есть сущее?² Сама ἀλήθεια характеризует бытие.

Но почему ἀλήθεια как таковая не стала для греков наиболее значимой для вопрошания? Выскажем следующую догадку: это было не из-за слабости мышления и даже не в силу забывчивости и поверхностности, всегда преследующей новое; греки упустили более изначальный вопрос об ἀλήθεια благодаря их силе равняться собственной судьбе. Какая судьба отмерена их мышлению? Какой была задача, предна-

² См.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 188.

значение их мышления? Ведь это мышление могло быть отклонением от их действительной судьбы.

Судьба и задача мышления греков были не в том, чтобы мыслить то или другое, но в том, чтобы начинать само мышление и конституировать его на его собственной основе. Мышление как форма акта философии здесь означает, что в мышлении человек конституируется среди бытия и знает себя как принадлежащего этому бытию. Базисная работа такого мышления заключается в вопросе о самом бытии: что оно есть как таковое и как целое? Как греки отвечали на этот вопрос? Бытие как таковое есть φύσις, φύσις всегда принадлежит одному-единственному контексту.

Бытийность бытия означает постоянство в двойном смысле присутствия и длительности. Бытие как постоянное понимается в этом плане в противоположность изменению и разрушению, поэтому то, что присутствует, всецело противопоставляется всему отсутствующему и любому простому растворению. Постоянное, присутствующее из себя и образованное в себе, разворачивает из себя и для себя свой контур и свою границу против всего исчезающего и безграничного. Постоянство, присутствие, форма и граница — все это, особенно в простоте их взаимных отношений, принадлежит и определяет то, что звучит в греческом слове φύσις как именование бытия в его бытийности³.

Тем не менее мы еще не указали наиболее существенное определение бытия, так как оно пронизывает все другие определения. Присутствующее как отвержение любого исчезновения есть само представление. Все определения бытийности бытия, содержащие два смысла постоянства, так же как присутствие, форма и граница, пропитываются и подчиняются одному определению, которое подлинно могло быть названо первым: несокрытость, ἀλήθεια.

Каков результат всего этого? Ἀλήθεια есть для греков базисное определение бытия самого по себе. Это поражает нас сегодня. Несокрытость, т. е. решающий ответ на единственный вопрос греческих мыслителей, развертывание которого знаменовало начало мышления, заключается в самом вопросе: что есть сущее? Ἀλήθεια как несокрытость собирает в себе изначальное греческое значение слова φύσις, ибо это слово обозначает то, что возникает из самого себя, развертывает себя и правит. Оно обозначает бытие как таковое.

³ См.: Хайдеггер М. О существе и понятии φύσις, Аристотель. «Физика» β-1. М., 1995.

Ответ на вопрос мысли и особенно на тот, который впервые устанавливает всякое мышление в его начале, т. е. ответ на философский вопрос, никогда не есть результат, который может быть отделен и замкнут в высказывании. Такой ответ не позволяет отделить себя от вопроса. Напротив, этот ответ существен, только если он принадлежит самому вопрошанию и сохраняет себя в нем как его завершение. По отношению к обычному способу мышления ответ есть то, что устраняет вопрос. Здесь отвечать значит удовлетворять или устранять вопрос. Однако с философским ответом «бытие есть несокрытость» (φύσις, ἀλήθεια) вопрошание не останавливается, но как раз начинается и развертывает себя как начинание. В свете этой интерпретации бытия как несокрытости задача греков заключается в том, чтобы спрашивать, что есть сущее, спрашивать это более ясно, более основательно и более многообразно⁴.

Открытость предлагается как наиболее вопрошаемое, как место, где вопрос о сущности истины должен начинаться при условии, что вопрос об истине несет в себе необходимость, присущую ему, ту, которая развертывает себя, поскольку ставится вопрос. Открытость и несокрытость, по крайней мере, кажутся тем же самым. Но здесь есть существенное различие: для греков несокрытость остается невопрошаемой; для нас это то, что наиболее заслуживает вопрошания. Почему греки не исследуют саму ἀλήθεια?

Для греков ἀλήθεια была определением самого бытия, сам этот вопрос становится для греков философским. Задача греков конституировала начало философии. Понять это начало для нас возможно, но наиболее трудно, ибо мы стоим в сфере конца этого начала.

Задача греков — это вопрос: что есть сущее как таковое? Греки понимали бытие как φύσις. Они испытывали и постигали бытие как то, что постоянно (как в смысле того, что настаивает на себе, так и в смысле дления). Для греков бытие есть то, что присутствует (παρεόν) над и против того, что отсутствует (αλεόν). Они называют бытие формой над и против бесформенности. Бытие для них самоограничение, оно над и против безграничности и растворения. Фундаментальный характер бытия как такового есть это восхождение, саморазвертывание, несокрытое. Фундаментальный характер φύσις есть ἀλήθεια, и φύσις, если он понимается в греческом смысле, должен быть определен на основе ἀλήθεια. Греки изучали сущее и спрашивали, что оно

⁴ См.: *Heidegger M. Grundfragen der Philosophie: Ausgewählte «Probleme» der «Logik» // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd 45. Frankfurt am Main, 1984.*

есть как таковое; и отвечали: несокрытость. И это философский ответ. Это не означает завершить вопрос, но, напротив, требует, чтобы вопрос, что есть сущее, развертывался все более.

В своем начале, которое было началом мышления, т. е. началом интерпретации бытия как такового, греки, если бы они выразительно вопрошали саму ἀλήθεια, отвергли бы свою основную задачу. Как так? Они тогда уже не вопрошали бы далее. Они не могли бы сохранить себя на своем пути вопрошания. Ибо, чтобы остаться в пределах вопроса о бытии, они должны были оставить на периферии то, что ведет этот вопрос к его последовательному концу, именно — ответ ον, ἀλήθεια, поскольку только так бытие могло быть несокрытым для них постоянством, присутствием, формой и границей. И только так греки сохраняли для себя путь, на котором все богатство их мышления и, следовательно, определения бытия могло бы развернуться. Вопрошать ἀλήθεια в направлении изначального вопрошания значило бы ослабить как вопрос, так и ответ. Мы знаем: как только понимание истины как несокрытости преобразуется в понимание истины как правильности благодаря мышлению Платона, великая философия греков приходит к концу.

Недостаток изучения ἀλήθεια сохраняет приверженность греков отмеренной им задаче. Недостаток изучения есть величайшее. Что требуется, чтобы признать бытие как таковое в его фундаментальном характере φύσις и ἀλήθεια? Требуется базисная позиция простого восприятия бытия в его бытийности. Следовательно, из этой фундаментальной позиции человека по отношению к бытию как таковому сущность человека должна быть определена в то же время как то сущее, которое среди бытия позволяет этому бытию в целом являться перед собой, чтобы воспринять и сохранять его в постоянстве, присутствии, форме и границе: в его несокрытости.

Потому человек, связанный с этим началом мышления, определялся как такое сущее, отчетливость мысли которого состоит в восприятии бытия как такового. Это восприятие в греческом есть νοεῖν-νοῦς, и это первоначальное принятие вместе и собирание бытия из того, что оно есть заранее в «одном» (ἐν), заложено в греческом λέγειν («собирание вместе») и λόγος. Это воспроизведение противоположно простому пассивному принятию; это, скорее, постоянное позволение возникать и позволение стоять впереди в присутствии, в силу чего бытие как раз обращается снова на самого себя.

Восприятие, νοεῖν, есть позволение φύσις править или... позволение быть сущим в том, что оно есть. Человек — восприниматель бы-

тия, гарант его бытийности, т. е. его истины. Λογος, принятие вместе и собирание бытия в рассмотрении того, что оно есть сущее, — первоначальное предвосхищающее собирание всего того, что может быть встречено, в одном том, что бытие есть, в силу чего индивидуальное сущее как таковое впервые становится зримым.